

КАЗАЧИЙ КРЕСТ

Исторический роман*

Бог по силе крест налагает.

Пословица

Глава 1

I

Лисий след завораживал... Ровная строчка от лап выглядела нежной на свежавыпавшем снегу, что говорило о хорошем мехе лисицы, потому что так припорошить снег можно лишь пышным хвостом.

Зверь двигался в северную сторону. «Пошла к Гребень-Камню», — решил Владимир и, задыхаясь от волнения, глянул туда, где высилась в клочьях тайги гора, на гребне которой сгрудились камни-столбы.

Подшитые кампусом лыжи зашмыгали к горе, обходили чахлые лиственницы. Лисицу заметил на каменистой россыпи: черную, запорошенную снегом, с пушистым, на кончике белым хвостом. Она сновала на снегу, прислушивалась к пisku мышей, заманчиво раздающемуся под скромными лучами апрельского, еще зимнего для тундры солнышка.

Стрелять было далеко. Охотник стал скрадывать хищницу с подветренной стороны, прячась за лиственницами. Щекой прижимался к корявому, с лиловым оттенком стволу и делал рывок, когда видел меж дерев: лисица увлеченно петляла, становилась вдыбки, прыгала, извиваясь, вверх и, припадая на передние лапы, рыла ими, окутываясь снежной пылью, а хвост ее, мягко и плавно скользя, стелился сизым дымком.

Владимир вышел на меру выстрела, старался сдерживать дыхание... Вот она — лиса-воструха, гроза куро́патов, рябчиков, косачей, глухарей, захватывает их в снег, где они ночуют, и боится только одного волка, но превосходит его в проворности и хитрости. Не раз обманывала и преследующих ее людей с собаками — переждет в сторонке, в кустарнике, а потом по их же следам убежит в обратную сторону. Прожорливая и алчная, она шибко вредит живущим в острожке промышленникам — любит посещать охотничьи привады и снасти, а сама попадает в самоловы очень редко...

Дрожащей рукой сыпанул на полку порох, взвел курок, прицелился и осторожно нажал на спуск. Громыкнул выстрел, отдавшийся в плече...

Лиса крутанулась и рухнула на снег. Владимир ринулся к ней, часто шлепая лыжами. Вот она добыча! Лисица поразила мехом, была не просто черно-бурой, очень дорогой — за такую казна платила 30 рублей, то бишь пять годовых казачьих окладов, она оказалась серебристо-черной, совершенно редкостной, ей просто цены нет. Сердце у Владимира стучало радостно, губы растянулись в потрясенной улыбке.

Он поднял зверя, любясь искристым, как весенний снег, мехом: «Чудесный будет воротник для Стеши», — мелькнула мысль, и он, словно воочию, представил улыбающуюся жену: щеки ее в снегиревом румянце, а волосы, клубящиеся из-под платка, и длинные ресницы схвачены серебристой изморозью, она поддерживает лисий воротник узорной якутской варежкой, а глаза искрятся восхищенно-счастливо.

«Одену Стешу не хуже, чем Козыревский Петька свою Аньку», — самодовольно усмехается Владимир, и ненависть к бывшему другу вновь его опалила. Невольно всплыл перед глазами Петькин облик: лицо горбоносое, с выпуклыми глазами, кривой ухмылкой, черные усики, казалось, нарочно приклеены над темными губами, пострижен коротко, по-польски, одет в кунтуш со щегольскими шнурами, откидными рукавами.

Забыл о Козыревском, запихивая неподатливого зверя в котомку, руки у него дрожали от волнения, а на лице блуждала горделивая улыбка.

Не знал, не ведал тогда Владимир, что убитая им лисица станет для него роковой...

Быстро сник хилый северный закат. Потеряли малиновый отсвет лиственницы и тополя, они стремились выжить на земле, вечно мерзлой, под напором сатанинских ветров. Темнела серая ветошь неба и зубастее становился морозец.

Но Владимиру было жарко. Сдвинув с потного лба мохнатую казачью шапку, он возвращался на лыжах по старому следу. С крутого берега спустился на заснеженную гладь Анадыря, окаймленную голым ивняком, и, глядя на нее, вздохнул полной грудью: для него эта река всегда была рекой Дежнева, и чувство восхищения знатным землепроходцем сызнова коснулось его души.

* Журнальный вариант.

Сам он не видел открывателя Анадыря, но многое узнал о нем от его сына Любима — с ним служил когда-то на реке Уде, а также от Ивана Голыгина, которому атаман Дежнев давал в Якутске поручительство при верстании в казаки, — теперь-то Владимир Отласов живет с Иваном Голыгиным и Лукой Морозко в одной острожной избушке.

Анадырский острожек вырос из зимовья, поставленного Дежневым на возвышенном острове, повыше Майна — правого притока Анадыря. Зимовье находилось у таежного урочища — росло много лиственниц, елей и тополей, что позволяло строить кочи для сплава к устью и выхода к морю. В этом краю Дежнев впервые встретил местных жителей — анаулов, относящихся к одному из юкагирских племен. Иноземцы¹ согласились уплатить дань, рассчитывая на помощь в отражении набегов чукчей.

Слушая рассказы о Семене Дежневе, Владимир так сопереживал ему, словно чувствовал себя непосредственным участником его похода. Семь кочей во главе с Дежневым и промышленником Федотом Алексеевым вышли из Колымы на поиск реки Анадыря, о существовании которой слышали от юкагиров. В отряде насчитывалось 90 человек — это были казаки, промышленники и торговцы, а также Федоткина жена, родом якутка.

Продирались сквозь льды, направляясь вдоль чукчей земли, и двое кочей, получив пробоины, затонули вместе с командами. За Каменным Носом, в проливе, разыгралась страшная буря, потопившая еще два коча, а судно, принадлежащее Герасиму Анкидинову, казаку честолобному, с разбитным характером, выбросило на камни, но команда спаслась и ее разместили на двух других кочах. Сам Анкидинов, давно враждовавший с Дежневым, напросился в команду Федота Алексеева.

«Из семи кочей осталось только два», — вспоминает Владимир. Когда путешественники высадились на берег, на них напали воинственные чукчи и чуть не захватили суда. Применяв огневой бой, мореходы сумели с трудом отплыть, и бушующее море подхватило кочи, точно щепки, понесло в разные стороны: Дежнева — вдоль берега к югу, а Федота Алексеева — в открытое море.

Десять дней команда Дежнева боролась с бурей, видела, что кочь пронесло мимо большой незнакомой реки, скорее всего Анадыря, и в конце концов судно выбросило на берег.

И сейчас Владимир душою с теми, кто пробивался к реке Анадырю, одолевал горы, везя на себе груженные нарты. Ему кажется, что на пронизывающем океанском ветру он сам отыскивает среди камней тощие деревья и, с усилием разжегши костер, кипятит в котле лоскутки кухлянок², чтобы можно было их жевать больными зубами...

Сгущался сумрак, заросли ивняка потеряли отчетливость. Тихо появилась на небе звездочка и ласково подмигнула. Послышался приглушенный, но взъяренный лай собак. «Наверно, мою лису чувствуют», — усмехнулся Владимир.

Еще поворот реки, и в редколесье показался Анадырский острожек: высокий частокол с нагородью — заснеженной башенкой над караульным домом, служившей для верхнего боя и обзора просторов тундры, а внутри ограды виднелись крыши изб — ясачной, где командовал приказчик, аманатской, анбаров для хранения пушнины и огневого зелья, жилья для служилых, промышленников и торговцев. Над ними возвышалась церковка с щербатым колоколом, дремавшим до приезда батюшки. От жилья волокся сизый дым, к теплу зовущий...

Владимир подошел к обледелому месту, где жители острожка брали воду. Снял лыжи с торбасов и почувствовал свободное облегчение для ног. Люзгая по льду, заглянул в прорубь — вода играла отблесками звезд, таинственно ворковала.

По утоптанной тропке заспешил к острожным воротам. На башенке качнулся трех караульного.

— Чукочей не видал? — послышалось сверху.

— Не-е...

— Собаки на кого-то брешут. Должно, на диких оленей.

2

Дверь избушки открылась с протяжным скрипом, дохнуло густым теплом, заплясал язычок пламени на жирнике. Лука Морозко, выжигавший гвоздем шерсть на деревянной поделке — соболе, поднял от стола торчкастую бороду. Глаза его выжидающе сверкнули:

— Небось, добыл чего?

— Есть маленько... — в голосе у Владимира сладкая лукавинка.

Со своей лежанки опустил ноги Иван Голыгин — он уже в годах, присугорбленный, с медвежьими глазками, узорчатые складки зарозовевшей кожи видны на полной щеке — отлежал.

Из котелка, торчавшего в камельке, пахло куропаточьим супом. Морозко похвалился:

— А я двух куропаток подстрелил. Ждем тебя к ужину. Ну, показывай добычу.

¹ В Восточной Сибири иноземцами называли коренных жителей, чаще всего тех, которые жили на окраинах.

² Кухлянка — у северных народов: верхняя одежда из оленьих шкур, длинная, сшитая рубахой, с куколом (башлыком).

Владимир вытащил из мешка посеребренную лисицу, мех волнисто заискрился, хвост с белым на конце пятнышком плавно качнулся.

— Ух ты! — Лука срывается из-за стола. — Не просто чернобурка, а серебристо-черная, князек³.

У Ивана глаза тонут в улыбке.

— Это чисто сокровище. Везуч ты, Володимер, пошел в Отлбса-батьку, тот был страшный охотник.

Лука морщит лоб, взгляд у него обостренный:

— Где добыл эту хитрюгу?

— На Гребень-Камне увидал, подбирался скрадом.

Иван погладил лисий мех.

— Любо-дорого! Большую деньгу зашибешь.

Владимир тяжело перевел дух, серые, по-рысьи зеленоватые глаза сверкнули дерзко:

— Хочу жонке оставить.

Иван дребезжит сухим смешком:

— Рисково, паря. Сам знаешь: товар заповедный, подлежит сдаче в казну. Не то спросят так, что небо с рогожку покажется.

Лука на него зыркнул:

— Ты чо его пугашь? Волков бояться — в лес не ходить. Только чтоб молчок... Ни гу-гу! — погрозил в воздухе пальцем.

Крутые складки вздулись на лысоватом лбу Ивана:

— Скажешь тоже. Как в воду камень...

Владимир, пряча глаза, оправдывается:

— У многих баб в Якутске воротники лисьи... Анька Козыревская, Петькина баба, носит буренный⁴, — машет рукой. — Да хватит об этом. Помогите свежевать.

Редчайшую шкуру бережно сняли чулком, растянули с силой на развилках.

— Надо добычу sprysнуть, — подмигивает Лука. — Ты, Иван, домовитый, как бобер. У тебя, верно, осталось?..

— Есть малость, — умиляется Иван и достает с полки тяжелый штоф, резко встряхивает его, доказывая, что в нем осталось содержимое. Поставив на стол, ворчит: — Купил в Якутске у Федьки Козыревского. Он тайно гонит вино с Петькой, сыном своим. Но оказался прохвост, вино дюже слабовато.

Лицо у Владимира посуровело. «Так и не унимаются поляки», — со злостью подумал он, вспоминая, как по приказу воеводы Зиновьева был направлен в Чечуйский острог для борьбы с тайным винокурением и раскрыл там, на окраине уезда, подпольный промысел отца и сына Козыревских. Тогда Федор Козыревский был строго наказан воеводой.

А Иван уже приготовил строганину из оленьего мяса, посыпал завитушки солью и перцем, выложил и юколу — вяленую кету. Кстати оказалась и горячая похлебка, разлитая в деревянные чашки.

Ухватистой рукой Лука поднимает оловянную кружку.

— Выпьем за Володькину удачу!

Чокнулись, выпили до дна и вскоре, шумно заговорив, уже кляли на чем свет стоит бывшего воеводу Зиновьева, который обвинил в заговоре против него нескольких достойных казаков, служивших в анадырской стороне уезда. Часто выкрикивалось слово «Камчатка».

К горячей беседе прислушивался с божнички длиннородый Илья Громовержец, не спускал с жильцов цепкого пронизывающего взгляда.

Лука взглядывает на Голыгина с напряженной пытливостью:

— Расскажи, Иван Осипов, с чего в Якутске сыр-бор разгорелся. Я вернулся с Алдана, когда дело уже закончилось.

Иван кашлянул в кулак, заговорил степенно:

— Случилось это в Касьянов день. Недаром говорят: «Касьян на што взглянет, то и вянет». Собрались мы, казаки, на вечерку у Федора Таркова, хотели душу отвести: вина и пива попить, про жизнь потолковать. Были с нами и Михаил Онтипин, сын боярский⁵, и Филипп Щербаков, пятидесятник. На Зиновьева у многих зло накопело. Взять хошь меня. Когда я с Пенжинского острожка вернулся, где был приказчиком, он ко мне придрался, будто мною ясак присвоен. Хотел, чтоб поминальных⁶ соболей я ему побольше отдал. В том числе из своих. А соболю-то нам ох как тяжело достается.

— Знаю дело, — кивает Лука.

— Пируем, значит, мы, а тут черт принес Ушницкого, другого подьячего. Знали мы, что Ушницкий — первый воеводский наушник, не тем будь помянут. Встретили его с холодком, но заставить уйти не решились. А хмель взял свое. Прорвалась обида на воеводу Зиновьева. Филипп Щербаков обвинил воеводу в том, что

³ Князек — зверек, животное необычайной шерсти.

⁴ Буренная лисица — бурая: по темно-бурой, голубоватой шерсти — белесоватая ость, в крапинках.

⁵ Сын боярский — высшее казачье звание, дававшее право на руководящие должности в уезде.

⁶ Воеводе и подьячим приказной избы доставлялись поминки, то есть подарки в знак внимания, памяти, по случаю церковных праздников, а также именин начальника.